

АЛЕКСЕЙ ПОЛИКОВСКИЙ

Москва против Мордора

ИСТОРИЯ ПРОТЕСТА

Алексей Поликовский
Москва против Мордора

«Издательские решения»

2015

Поликовский А.

Москва против Мордора / А. Поликовский — «Издательские решения», 2015

«Москва против Мордора» – это история московского протеста 2011—2013 годов в лицах. На страницах книги вы встретитесь с сотнями самых разных людей, вовлеченных в народное движение против лжи и насилия. Вместе с автором вы пройдете маршем по бульварам, услышите митинговых ораторов, увидите, что происходило на Болотной 6 мая 2012 года, а потом побываете в залах судов. Все, о чем пишет автор, он видел собственными глазами.

© Поликовский А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Говорит Москва	6
С наступающими!	10
Ум, честь и совесть	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Москва против Мордора

История протеста

Алексей Поликовский

© Алексей Поликовский, 2015

© Анна Артемьева, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

С декабря 2011 я не пропустил ни одного большого московского митинга или марша. Обо всем, что я видел, я писал в репортажах, которые публиковались в «Новой газете». Когда захваченных на Болотной людей стали судить, я пошел в суды, потому что суды были продолжением того, что я видел на улицах.

Это книга о Москве, которую не удалось запугать, задушить, запутать в паутину лжи, задавить насилием. Одна на всю Россию, Москва выходила на улицы и боролась как могла и умела.

Фото на обложке: Анна Артемьева

Говорит Москва

4 декабря 2011 года проходят выборы в Госдуму. Фальсификации, вбросы, «карусели» вызывают стихийное возмущение. 10 декабря – крупнейший за многие годы митинг на Болотной

На митинг я приехал заранее, потому что хотел найти одну девушку, которая собиралась купить на пять тысяч рублей белых гвоздик и раздавать их окружающим. Но в этом обилии людей найти было уже никого нельзя. Девушка с гвоздиками мне не попадалась, зато попались несколько девушек, раздающих людям белые шелковые ленточки. Я вышел на набережную через Лаврушинский переулок и очутился в густой толпе, которая медленно просачивалась через две рамки и кордон полиции. Когда общее движение медленно подтащило меня к рамкам, я увидел, что столы около них покрыты рассыпанными монетами. Люди вытряхивали монеты из карманов и, увлекаемые потоком, не брали их назад.

Лужков мост был плотно заполнен людьми. На чугунных перилах моста висел лозунг с аршинными буквами, выведенными краской от руки: «Жулики и воры, верните выборы!» Во всю длину канала, от начала Болотной площади до Балчуга, стояла огромная толпа. Над черной массой людей поднимались флаги. В начале, у сцены, покачивались многочисленные оранжевые знамена «Солидарности», в среду которых затесался простой и суровый флаг «Левого фронта»; затем оранжевый переходил в красный цвет КПРФ, а дальше и во все стороны начиналось живое веющее многоцветье: белые с зеленым полотнища «Яблока», желтые флаги «Справедливой России», черные «Пиратской партии», красно-бело-красные «Гражданского Союза», белые с красивым палевым орлом «Либертарианской партии», триколоры «Партии дела» с трудолюбивой черно-желтой пчелой. Вытянутым клином стояли в темнеющем воздухе декабрьского дня большие бело-желто-черные полотнища националистов с надписями по каждому цвету: «Родись на Руси», «Живи на Руси», «Умри за Русь».

Над людьми и флагами кружил вертолет и бегал по небу беспилотник с камерами наблюдения. Беспилотник был похож на паука и то замирал в одной точке небосвода, то быстрым рывком передвигался по небу в точку активности, туда, откуда ему были особенно хорошо видны громко кричащие или размахивающие флагами люди.

Ораторы сменяли друг друга, их было множество. Все они принадлежали разным партиям и движениям – Гудков из СР, Митрохин из «Яблока», Рыжков из ПАРНАСа, Чирикова из «Экообороны» и далее, и далее через весь спектр русской политики. Я не буду пересказывать их речи, да и не могу этого сделать: все это на самом деле была одна огромная, страстная, растянувшаяся на четыре часа речь о том, что чувствуют люди, у которых на выборах в Государственную думу своровали голоса. Это было удивительное ощущение, когда ни в одном слове не было фальши, и слова политиков, как им и положено, наконец-то выражали то, что чувствуют и думают люди. И в потоке этих горячих, часто произносимых на крике, возбужденных и гневных слов все время повторялось что-то очень простое, что я даже не знаю, как выразить. Не потому, что это сложно, а наоборот, потому, что это так просто, как никогда еще не было за последние годы.

Микрофоны на этом огромном митинге шалили, слабые динамики не пробивали сырой воздух над толпой. Я совсем не слышал того, что говорила Оксана Дмитриева, у которой я перед выборами брал интервью. Тихий голос маленькой женщины просто таял в начавшемся снеге. И другие люди вокруг меня тоже не слышали. Началось скандирование: «Громче! Громче!», и это мощное скандирование совсем заглушило ее тихий голос. Оксана, но я все

равно знаю, что вы хотели сказать, в этой политической заварухе я вообще ставлю на вас и желаю вам удачи. Настю Удадьцову я слышал лучше. С ее мужем, Сергеем Удадьцовым, лидером «Левого фронта», я несколько месяцев назад долго говорил в шуме и суете московского «Кофе Хауза», и я знаю, что этот человек будет идти до конца. Вчера его, измученного непрерывного арестами и сухими голодовками, насильно поместили в реанимацию Боткинской больницы, а сегодня он ушел оттуда на Болотную площадь и ровно через пять минут после выхода из реанимации был задержан оперативниками и в очередной раз исчез.¹

Это было первое имя политзаключенного, произнесенное на митинге: Сергей Удадьцов! Настя вместо него организовывала этот митинг, и я, стоя в толпе, чувствовал тянущее ощущение в районе сердца, когда представлял, каково ей знать, что ее муж в очередной раз исчез, и представлять, что с ним могут сделать похитившие его люди, и все-таки делать то, что они с Сергеем всю жизнь делают вдвоем. А затем шли другие имена людей, которых в последние дни хватали на Чистых прудах и на Триумфальной: Навальный, Яшин...

Впервые у нас с советских времен было несколько сотен политзаключенных, и тысячи людей были этим возмущены и выражали свое возмущение криком, скандированием и свистом специально купленных красных свистков.

Один парень рядом со мной гудел в старинный рог. Я спросил его, что за штука, и он гордо показал мне выбитый на роге год «1874» и сообщил, что рог гудел еще на революции 1917 года.

Митинг – это не способ времяпрепровождения, это форма сознания. На Болотной, в сыром воздухе декабря, в тающем под ногами и на лицах снеге, людей вдруг связывало какое-то давно забытое человеческое чувство. Теплое ощущение солидарности? Братство?

Я привык считать, что живу в довольно-таки мрачном и не очень дружелюбном городе, но тут дружелюбие читалось на всех лицах.

А тут были очень разные лица, и все они впечатались в мою память. Я запомнил лицо глубокого старика с белоснежной бородой, который, опираясь на трость, перебирался через бордюры, и люди подставляли ему руки и расступались перед ним, хотя, казалось, такая плотная толпа не может расступиться. Я запомнил лицо молоденькой девочки в круглой шерстяной шапке ямайского растамана, которая лезла на вентиляционную тумбу, чтобы лучше видеть сцену, и дала мне руку, чтобы я ей помог. В декабрьском сумраке светила эта маленькая рука ребенка с короткими круглыми ногтями и тоненьким металлическим колечком на пальце. И я уверен, что не только я запомнил эту девочку, но и она на всю жизнь запомнит декабрьский день в центре Москвы, когда она вместе с тысячами людей кричала: «Мы не рабы!» и «Свободу политзаключенным!»

Тысячи рук поднимались вверх, и в густеющем воздухе вечера живыми окошками светились дисплеи тысяч камер. По этим камерам я понимал кое-что о людях вокруг себя. О, какое тут было собрание самой современной, самой прекрасной техники! Эппловские iPad'ы, поднятые над головой, тут же показывали окружающим картины митинга. Galaxy Tab'ы мягко светились и восхитительно передавали краски московского вечера. На животах молодых людей в лыжных шапочках, проталкивавшихся мимо меня к сцене, висели «Кэноны» и «Никоны» с могучими объективами. На скамейке сидел парень с раскрытым на коленях ноутбуком – мой опытный глаз старого компьютерщика сразу зацепил логотип Sony Vaio – и громко ругался с редактором, который где-то там – может, в Москве, может, в Омске, а может, и в Париже – резал его фотографии. Снег с дождем усилились, и рядом с парнем теперь стояла девушка и держала над ним большую, метр на метр, фанерку. Это была импровизированная крыша мобильного корпункта. Я подошел и заглянул на фанерку. Она была черная, и сверху на ней было написано: «Нам нужны честные выборы!»

¹ Уже в ночь с субботы на воскресенье я узнал, что Удадьцов снова за решеткой – получил очередные 15 суток.

Сотни и тысячи самодельных плакатов и рукописных лозунгов покачивались над морем голов, уходящим вдаль. Мысль о том, что все эти люди делали плакаты и выдумывали лозунги по указке вождей или по телеграмме Хиллари Клинтон, могла прийти в голову только очень оторванному от жизни человеку. «Спасибо, что ты пришел! Теперь я не один!» «Пацаны! Пора подвинуться!» (под распечатанным на цветном принтере фото Путина и Медведева). «Оппозиция! Нужен единый кандидат!» (под картинкой малыша, которого держит за две ручки мама). «Чуров! Это тебе не Хогвартс!» (с фотографией Чурова и картинкой замка, где учился Гарри Поттер). «Сегодня сто тысяч, завтра миллион!»

Все это было свободное политическое творчество городского люда, оснащенного отличными хайтековскими штучками, живущего в реале и в виртуале и очень хорошо понимающего, что такое ложь и что есть свобода.

Рядом со мной очень приличный господин в длинном черном пальто просил свою жену еще посидеть в «Гурмэ», пока он побудет тут, на митинге.

Я странствовал по всей протяженной Болотной площади через тесные ряды людей, легко присоединялся к разговорам и везде ощущал одно и то же: презрение к тем, кто мухлевал на выборах, и веселую уверенность в свободе и победе. Эти люди знали, что их много, и знали, чего хотят. Это не были суровые радикалы, знающие, что они обреченное меньшинство, это была плоть великого города, его живая вода, которая проснулась в декабре 2011 года и пошла в наступление. Подмосковные города сигнализировали о своем присутствии табличками: «Красногорск против фальсификаций», «Истра против фальсификаций». Девушки с плакатами, на которых стояло, что они были свидетельницами мухлежа, без сомнений позировали моей старенькой немудреной камерке. В них не было и тени страха, они не боялись позировать с плакатами и открытыми лицами. Красивых девушек на митинге было много. Но их вообще в Москве всегда много. И это присутствие красивых девушек, их смех, и распущенные волосы, и румяные щеки, и громкие голоса не давали политическому митингу стать постным событием страдания и борьбы, а превращали его в праздник жизни.

Тут вдруг в густой толпе открылась полянка, и мне под ноги по грязной траве выкатился белый шарик с нарисованными на нем черными глазками и длинным ртом. Шарик сам собой катался по зимней траве и смеялся. И люди вокруг тоже смеялись и говорили, кивая на шарик: «Медвепут!»

Все это я уже когда-то видел. Я уже видел когда-то, в конце восьмидесятых и в начале девяностых, вот таких счастливых людей, которые на глазах обретали свободу. Я видел тогда митинги, на которые приходил миллион человек, и я испытывал чувство абсолютного счастья от того, что мы вместе и свобода теперь наша. Но с тех пор я уже давно не хожу ни на какие митинги, потому что знаю, как легко обманывают этот всеильный и беззащитный народ и как легко обращают в дрянь великую мирную революцию. Людей обманывают их вожди, продавая нас всех гуртом и поодиночке, как это случилось в девяностые. Революцию обманывают демократические трибуны с хорошо подвешенным языком, которые пускают красивый туман нам в глаза, так, что мы слепнем на годы и теряем ориентацию в социуме. Нас нагло дурачили неизвестно из какой дыры выскочившие приватизаторы, которые во имя общего блага – а как же иначе? – делили всенародное имущество так, что всем не осталось ничего, кроме нищеты, а они отчего-то все как один сделались миллионерами, и владельцами акций, и хозяевами уютных домиков в очень хороших местах.

Я не хочу, чтобы всех этих людей, которых я видел в эту субботу на Болотной площади, обманули те, кто говорил им со сцены такие сильные слова. Я не хочу, чтобы эти люди снова вовлекли нас в идиотскую игру своих собственных амбиций, занимающую годы и опустошающую десятилетия. Оппозиции нужен один кандидат с новым лицом.

Я шел по периметру площади, рассматривая многочисленную технику, пригнанную сюда, чтобы в случае чего блокировать и разгонять нас. Рядами стояли трехосные грузовики с решет-

ками на окнах закрытых кузовов, бронированные машины с бойницами для ведения огня и автобусы. В одном из них, за черными стеклами, горел огонек сигареты. Мрачными рядами, неподвижно и молча, стояли омовцы в боевом снаряжении, похожие то ли на инопланетных пришельцев, то ли на рыцарей Мордора. У них были дубинки в руках, черные латы на ногах, черные ботинки, черные перчатки, круглые шлемы. Некоторые опустили на шлемах черные непрозрачные забрала и превратились в мрачные фигуры из возможного тяжелого будущего. Некоторые стояли с поднятыми забралами и молча смотрели на веселых своей свободой людей. А у некоторых были совсем молодые, мальчишеские, очень хорошие лица. С ними я разговаривал.

Навстречу мне шли две девушки. Обе веселые, и обе смеялись от души, не над чем-то или кем-то, а от полноты жизни. На ладони у одной была плитка шоколада в раскрытой фольге. «Хотите шоколад? Берите! Берите шоколад!» – уже совсем стемнело, и они шли через тьму московского вечера и волны людей, расходившихся с митинга, и всех угощали этим своим очень сладким, очень вкусным шоколадом. Я взял один квадратик под их одобрительные возгласы.

С наступающими!

Протест нарастает. 24 декабря 2011 – первый митинг, организованный с помощью социальных сетей

Первый плакат я увидел прямо у метро, только что выйдя из дверей и еще не влившись в поток людей, шагавших к проспекту Сахарова. Парень в коричневой куртке держал картонку на рейке, на картонке был нарисован барашек, сидящий за компьютером, сверху стояло: «Мы не б@раны!», снизу: «Мы лучшая часть нашего общества!»

Люди на пути к митингу полностью занимали тротуары и захватывали проезжую часть. Пятидесяти пропускных пунктов с милиционерами не хватало, собирались маленькие очереди. В дали проспекта, вся в ярком золотистом свете, похожая на волшебный новогодний ларец, сияла сцена. Звук был поставлен лучше, чем на Болотной, ораторов можно было слушать даже на тротуарах в трехстах метрах от сцены. Удивительно было не то, что так много людей пришло, удивительно было то, что они всё подходили, и подходили, и подходили.

Лучшая часть нашего общества в этот раз, на проспекте Сахарова, была другой, не такой, как две недели назад на Болотной. Там был легкий на подъем молодежь и солидные люди из бесчисленных московских фирм и компаний, оснащенные всевозможными девайсами. Это был авангард, реакция первого часа. Но за четырнадцать дней сигнал прошел по плоти мегаполиса, по его нервам, и вот поднялась вторая волна. После первой, быстрой и легкой, это был уже какой-то тяжелый вал, вовлекавший в движение людей из самой глубины жизни.

Ошибаются те, кто говорит, что это протест сытых. Это пришла Москва, которая вкалывает с утра до вечера и все равно не может заработать, это пришла Москва бесчисленных офисных сидельцев, мелких торговцев и средней руки деловых людей, Москва, стоящая в очередях в Сбербанке, чтобы заплатить за ЖКХ, Москва пенсионеров, которые долго стоят у прилавка, прикидывая, хватит ли денег на сто граммов колбасы, Москва людей, о которых власть и бомонд и не помнят, что они существуют. Пришла сейчас – и еще не такая придет!

Смешных, забавных, веселых, остроумных и потешных лозунгов не стало меньше, и не стало меньше лозунгов, посвященных обману на выборах: «Пу, ты наглец!» и «Жулик, не воруй!». Но вокруг них появились лозунги социального протеста – не такие забавные и остроумные, как студенческие находки, простые по языку, элементарные по сути. Женщины в темных пальто, далекие от гламура, как от Луны, медленно двигались в глубь митинга с огромным плакатом-растяжкой: «Сносить жилые дома с детьми – хуже, чем педофилия!» Быстро передвигались по митингу со своим компактным плакатом молодые люди, в облике которых я угадывал образ их жизни: окраины, съемное жилье, давка автобусов, утомительные часы в метро. Их плакат гласил: «Привет от участников юмористической программы «Молодой семье – доступное жилье!» И в море флагов, транспарантов и лозунгов упорно держался на чьих-то вытянутых руках плакат: «Долой власть капитала!»

Поднялась и поперла на митинг Москва, бесконечно далекая от клубных тусовок, политических интриг, модных писателей, самодовольных героев голубого экрана.

Рядом со мной образовался мужичок в легкой курточке, рыжей меховой шапке с повязанными наверх ушами и малочисленными зубами в веселом рту. Первым его вопросом было, какого хрена отменили графу «русский» в паспорте. – «Ты чё, когда встаешь с утра, не помнишь, кто ты по национальности, тебе надо в паспорте читать?» Он засмеялся, и дальше мы говорили с ним на одной волне – он про то, как славно было в советские времена работать на его автобазе, я про то, какой у меня был учительский отпуск, блин.

Мы говорили, а в это время перед нами проехала в инвалидной коляске женщина в розовом стеганом пальто, у которой к спине была привязана картонка с написанными фломастером словами: «Москвичи, довольно спать – отнимут и кровать!»

На Болотной подавляющее большинство лозунгов свидетельствовало о том, что их создатели имеют принтер и в ладах с компьютером. Тут же, на Сахарова, многочисленные принтерные распечатки, кричавшие о том, что «ЕдРо» убивает!» и «Едрянка – опасная болезнь!», оказались в море картонок, которые отрывали наспех от брошенной во дворах тары, от старых коробок и взятых на помойке упаковок, и писали на них шариковыми ручками, старательно, по пять раз обводя каждую букву. На этом огромном, занимавшем большую часть широкого проспекта митинге было очень много таких картонок, вопивших о нищете и общагах, о варварской эксплуатации и тяжелом труде. Одна картонка – неровная, кривая, с рваными краями – меня просто лично задевала, я следил за ее странствием по площади над головами людей с горечью и яростью. На ней стояло краткое: «Мы не гастеры, мы рабочие». Без восклицательного знака и, значит, без пафоса.

Ораторы говорили со сцены разные слова, но ощущения единства потока, которое было у меня на Болотной, тут не было. Может быть, в массовом и спонтанном движении возмущенных душ стали выкристаллизовываться интересы и проявляться политика, а может быть, на сцене были слишком разные люди, и за каждым из них стоял свой собственный жизненный фон. Что-то с чем-то не совпадало. Возможно, в соседстве на одной сцене очень разных людей – бывший министр финансов и боец «Левого фронта», активист-националист и либерал-плейбой – была политическая целесообразность, но я ни в какую политику не играю, и целесообразность у меня своя. Люди с плакатами и картонками пришли сюда явно не для того, чтобы подставлять свои спины бывшему путинскому премьеру, чтобы ему было удобнее снова залезть во власть, но он говорил так, как будто никогда не был тем, кем был. Бывший министр финансов, только что служивший верой и правдой тому, что большинство ораторов и весь митинг называли «путинским режимом», забыл объяснить, как и зачем он служил этому режиму и сразу же взял располагающий тон человека, который всегда – ну просто с самого рождения! – был в оппозиции. Ксения Собчак, вся в ореоле неизбыточной гламурной пошлости, произнесла политическую речь, и ей свистели сотни возмущенных людей.

Митинговый оратор – это особая профессия, у которой нет точных регламентов и всеобщих гостов. На каждого действует свое, у каждого свой герой. Рыжков, как мне кажется, отлично вел митинг, совершенно не выпячивал себя, был сдержан и точен в своих реакциях. Когда националист Тор закончил свою речь кличем: «Слава России!», Рыжков мягко и без вызова попросил публику поскандировать: «Россия для всех!», и люди это сделали. Навальный был громок, агрессивен и местами соскальзывал в истерику – голосом словно хватал людей за грудки с требованием немедленно отвечать: «Да или нет? Я вас спрашиваю, да или нет?»

Митинг отвечал и ему, и другим ораторам, но вообще ораторы были возбужденны более, чем люди, заполнявшие сотни метров проспекта. Это не значит, что люди не поддерживали ораторов, это значит только, что московский городской люд – все эти сто тысяч человек в шапках с наушниками, к которым были привязаны белые ленточки, и в длинных пальто, украшенных белыми значками, – слушали и думали, слушали и сочувствовали, слушали и молчали.

Я три часа подряд двигался в огромной, состоящей из десятков тысяч людей, толпе, описывал сложные маршруты, то приближаясь к сцене, то удаляясь от неё, пытаюсь захватить как можно больше людей в поле зрения и услышать как можно больше голосов. Я все время менял точки, чтобы ухватить разные картинки и разную акустику митинга. И постепенно возникало ощущение огромной массы людей, которая в долгие часы митинга, в студеном воздухе декабря, в вечерних сумерках города обретала общую, единую душу и общий, единый нрав. Это были люди великого города, знатоки его переулков и перекрестков, которые очень разумно, очень

добродушно оценивали всех, кто говорил с ними, что не исключало ни скептических замечаний, ни ироничных реплик, ни веселого смеха. Это не был митинг, на котором по отмашке режиссера дружно скандируют заранее заготовленные слова. Люди оценивали политиков, проверяли их на ощупь, как ткань в магазине: «Эта? Этот? Подходит?» И это не был митинг, на который приходят, чтобы исключительно слушать. Сюда приходили, чтобы жить.

Огромный московский митинг с требованиями свободы уже сам по себе создавал поле свободы. Митинг был той новой Россией, которую люди со сцены призывали создавать, а она была уже здесь, вот она. Неизвестная мне организация в зеленом шатре, украшенном лозунгом: «Фальсификаторов под суд! Полицаев под суд!» и черно-красными флагами, все четыре часа митинга со страшной активностью вела работу, помогая людям заполнять заявления на имя генпрокурора с требованием возбудить уголовные дела по статье 142.1 «Фальсификация итогов голосования». Я думаю, они подготовили тысячи заявлений. Маленькая девушка раздавала маленькие белые значки, у нее их был целый пакет, она сама, на свои деньги, их сделала и теперь сама раздавала. Активисты организаций, самостийно возникающих на окраинах мегаполиса, в его закоулках, цехах и подвалах, бродили вдоль и поперек, предлагая всем желающим взять манифест под названием «Власть миллионам, а не миллионерам» или листовку под заголовком «6 шагов к реальной демократии». У них были бледные лица, которые казались почти изможденными в неверном свете декабря, и стоптанные грубые ботинки. Анархист предложил мне газету «Социалистическая альтернатива», я протянул за ней руку, а он сказал: «Мы ее издаем на свои, пожертвуйте, сколько считаете нужным!» Посмотрев в его худое мальчишеское лицо и на узкоплечую фигуру, я сменил мелкую купюру на крупную.

В центре проспекта, не двигаясь ни вперед, ни назад, три часа подряд стоял парень с тонким интеллигентным лицом и небритыми щеками. Он держал у груди лист формата А4 с нарисованным от руки портретом Вацлава Гавела и словами: «Правда и любовь победят ненависть и зло». Рядом с ним стояла его девушка, очень не похожая на него – крепкая, коренастая, в черном капюшоне. Это было все, что он хотел сказать людям, и он молча это говорил, а она его поддерживала в его беззвучной, упорной речи.

А дальше, на задах митинга, на тротуарах широкого проспекта, начинался уже и вовсе какой-то русский карнавал, который шел сам по себе, независимо от того, что происходило на сцене. На фоне банковского билдинга и мрачного ряда омовских машин воздвигся постамент из хрупких планочек. Люди, меняясь, залезали на этот постамент и радостно стояли на верхотуре с самопальными плакатами в руках, видные всей толпе. У одного парня был плакат со словами: «Путин, сидеть!», строгим указательным пальцем и маленькой послушно сидящей собачкой. Вокруг гуляли, привлекая людей, такие же самопальные Дед Мороз и Снегурочка. У Деда Мороза на голове была красная ковбойская шляпа с надписью «Трезвый», а одет он был в красный халат, сшитый из переходящего красного знамени, когда-то вручавшегося передовикам производства. Я убедился в этом, обойдя его кругом и прочитав большие золотые буквы. Снегурочка была в голубой накидке поверх джинсов и с мешком подарков в руках. Эти двое звали всех к себе и радостно вкладывали в протянутые руки пригоршни конфет-батончиков и мандарины. Мне достался отборный, светящийся теплым оранжевым светом мандарин, и я ходил с ним по темному проспекту, меж черных людских фигур, как с фонариком.

Вот тут, на обочине и в стороне, в задних рядах и в разряженном пространстве прямо за милицейскими пропускными пунктами, бродили милые моему сердцу московские странники, у каждого из которых было очень важное человеческое дело. Ходил между людьми, трогательно заглядывая им в глаза, некто скромный, и говорил: «Ну надо же нам наконец всем познакомиться!», и вручал всем свою визитную карточку, на которой были, как положено, имя, фамилия, а вместо должности стояло: хороший человек. И я прекрасно понимал его мысль, потому что и вправду же, если мы все, честные люди этого города, пришедшие на митинг, возьмем и познакомимся, то это и будет то сказочное единство народа, о котором мечтали про-

топоп Аввакум и Толстой. И еще бродил тут некто с лысиной, в сером плаще, с опущенными плечами и милой улыбкой неудачника на одутловатом лице, и раздавал свое личное воззвание «Родина в опасности!», которое было ничем не хуже тех воззваний, с которыми обращались к людям со сцены известные люди, а вот у этого добратся до сцены и сказать свое слово – по жизни не сложилось. Но не будешь же ты молчать оттого, что ты не Григорий Явлинский и не бывший министр финансов? И он не молчал.

Когда со сцены Владимир Тор говорил о «национальном русском государстве», крошечная бабушка рядом со мной – фиолетовое пальтецо, серый беретик, детские ботинки – вдруг быстрым движением перевернула картонку, висевшую у нее на веревке на груди. Что там было написано раньше, я не заметил, а сейчас у бабушки на ее картонке-перевертыше стояло: «Фашизм не пройдет!» И она так же быстро бросила на меня строгий взгляд, и я успел увидеть седую прядь, выбившуюся из-под беретика, и морщинистое, старое, но живое лицо с очень внимательными глазами.

А потом я увидел двух парней – двух обычных городских молодых мужчин, в кожаных куртках, в джинсах, уверенных в себе, спокойных, и они молча стояли, растягивая в стороны белую простыню, на которой пульверизатором с красной краской были выведены широкие расплывчатые буквы и один знак. Вот что там стояло:

Мы просто ♥ нашу родину.

Ум, честь и совесть

4 февраля 2012 в Москве минус 30. Двести тысяч человек все равно выходят на улицу

В двенадцать, когда я выхожу из метро «Октябрьская», оказывается, что первая общегражданская колонна уже тронулась в путь. Я вижу эту колонну в перспективе улицы, в сотне метров от себя, как она медленно движется под огромным ледяным небом по знакомой с детства Якиманке. Я вижу сотни спин, перегородивших улицу, и на долю секунды мне кажется, что колонна – это не отдельные люди, а единое, цельное существо. Потом я замечаю низко висящие над колонной белые воздушные шарик, сотни и тысячи белых воздушных шариков в заледеневшем космосе – души людей.

Прямо передо мной готовится к маршу колонна левых. Такого количества красных флагов я не видел даже в СССР. Бьет в глаза старый, с детства знакомый лозунг «Вставай, проклятьем заклейменный!». Я выхожу на середину Якиманки, чтобы прочитать огромный транспарант, который тянется от одного тротуара до другого. На нем написано: «Долой президентское самодержавие!» На моих глазах перед колонной появляется властный человек в коричневой дубленке и меховом картузе. «Транспарант!» – громко, чуть врасстыжку приказывает он тоном офицера, привыкшего к тому, что его команды исполняются незамедлительно. – «Шаго-о-м, – он держит секундную паузу, – марш!» Колонна с тяжелой решительностью трогается с места.

Впереди колонны левых, в тридцати метрах от них, так же медленно и неумолимо движется колонна националистов. На некоторое время я перехожу туда. Их первый ряд несет красный транспарант с черными буквами в белой кайме: «Русская нация: свобода, справедливость, солидарность». Периодически из глубины колонны, как из крепости, раздается одинокий голос: «Русские, вперед!» – и тогда сотни голосов с резкой силой подхватывают эти слова и многократно повторяют их, доводя фразу до ярости белого каления. Бок колонны обрамлен черным лозунгом, на котором латинскими буквами написано: «Mubarak – Kadaffi – Putin». Когда националисты останавливаются, левые останавливаются тоже, и тогда между двумя этими мирами оказывается замороженная нейтральная территория, по которой иногда перебегают редкие фотографии. Милиционеры с нашивками «Отдельный полк особого назначения» смотрят за маршем с тротуаров.

Анархисты – в их колонне я тоже иду некоторое время – движутся в веянии своих черно-красных знамен. Знамя, когда оно касается лица, кажется легким крылом холодной птицы. Некоторые из анархистов в черных масках. У них отлаженная система кличей и лозунгов, и в этой системе чувствуется сплоченность небольшого отряда, привыкшего действовать во враждебной среде. «Решение!» – несется из глубины колонны, и десятки голосов отвечают: «Самоуправление!» Вдруг двое анархистов, идущих в метре от меня, быстрыми синхронными движениями зажигают файеры. Они держат файеры перед собой, как эстафетные палочки, один из файеров выбрасывает вверх высокий, в два метра, столб алого inferнального огня, другой с шипением швыряет вокруг себя бешеное зеленое пламя, и всё вокруг тут же окутывается белым дымом и острым запахом гари. Веселый анархист рядом со мной повыше поднимает плакат «Просим прощения за неудобства. Просто мы тут пытаемся изменить мир!».

Перед колонной левых двое катят тележки: одна с маленьким красным переносным генератором, другая с динамиком, которой привязан к тележке веревками. В середине Якиманки один из них берет микрофон. Со своей абсолютно лысой непокрытой головой и расстегнутой курточкой он выглядит так, как будто нет ни мороза минус двадцать, ни студеного воздуха, который на вдохе приходится кусать, как снег. И он поет. Прекрасным поставленным баритоном этот пролетарий поет на всю Якиманку песню итальянских партизан *O bella ciao*. Когда он

заканчивает, я думаю, что не может быть ничего прекрасней итальянской партизанской песни, с таким чувством исполненной посреди промороженной Москвы, но я ошибаюсь. Его товарищ отдает ему ручку тележки и берет микрофон. У парня кепка на голове, веселое лицо и черные живые глаза. Он поет «Интернационал». Я не левый и не правый, я сам по себе, и мне не нужны ни партии, ни вожди, и пропагандой я не занимаюсь, но этот парень поет так, что на холоде пробивает горячая дрожь и видишь, как створки неба над Москвой распахиваются, открывая новый мир, в котором нет рабов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.